

КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

СМЕРТЕЛЬНАЯ АВАРИЯ

МАРИЯ МАРЦЕВА

Мария Марцева

**Криминальные истории.
Смертельная авария**

«Автор»

2025

Марцева М.

Криминальные истории. Смертельная авария / М. Марцева — «Автор», 2025

Пять сложных криминальных расследований от Марии Марцевой, где каждое дело скрывает смертельные тайны. От загадочного убийства в старинном особняке до исчезновения женщины, оставившей лишь кровавые следы. Что скрывается за отравленным ужином в респектабельной семье? Кто решился на дерзкую кражу бесценного экспоната из музея? И была ли смертельная авария случайностью или тщательно спланированным убийством? Опытные следователи сталкиваются с преступниками, не оставляющими очевидных улик. Каждое расследование — это психологический поединок между правосудием и злом, где важна любая мелочь. Современные методы криминалистики, судебная экспертиза и профессиональная интуиция помогают распутать самые запутанные дела. Мария Марцева мастерски сочетает классические приемы детектива с реалистичным изображением работы следственных органов. Здесь нет места случайностям — только холодная логика, тщательный анализ улик и неумолимое стремление к справедливости. Иллюстрации автора.

© Марцева М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Введение	5
Убийство в старом доме	8
Глава 1: Зброшенный особняк	9
Глава 2: Тайны под микроскопом	12
Глава 3: Железное алиби	16
Глава 4: Семейные тайны	20
Глава 5: Разоблачение	24
Тайна пропавшей жены	28
Глава 1: Исчезновение в центре города	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мария Марцева

Криминальные истории.

Смертельная авария

Введение

Преступление никогда не совершается в вакууме. За каждым убийством, кражей или исчезновением стоит сложная сеть человеческих отношений, скрытых мотивов и тщательно замаскированных улик. В современном мире, где технологии развиваются с невероятной скоростью, а человеческая природа остается неизменной, криминальный детектив приобретает особую актуальность. Этот жанр позволяет исследовать темные стороны человеческой души, показывая, как обычные люди способны переступить грань между законом и беззаконием, между нормой и преступлением.

Криминальный детектив как литературный жанр отличается от классических детективных историй особой глубиной психологического анализа и реалистичностью в изображении преступного мира. Если традиционный детектив часто представляет преступление как интеллектуальную головоломку, то криминальный детектив фокусируется на социальных и психологических корнях преступности, на сложных мотивах, заставляющих людей нарушать закон. Здесь нет места романтизации преступного мира – только суровая правда о том, как зло проникает в повседневную жизнь и какую цену приходится платить за справедливость.

Настоящий сборник «Криминальные истории. Смертельная авария» представляет читателям пять самостоятельных произведений, объединенных общим подходом к изображению преступления и его расследованию. Каждая история построена по принципу детального анализа криминального события, где важно не только установить личность преступника, но и понять механизмы, приведшие к трагедии. Автор не ограничивается поверхностным описанием фактов, а погружает читателя в атмосферу напряженного расследования, где каждая деталь может оказаться решающей уликой.

Первая история «Убийство в старом доме» переносит читателя в мир семейных тайн и наследственных конфликтов. Старые дома хранят множество секретов, и когда прошлое внезапно врывается в настоящее, последствия могут быть фатальными. Здесь переплетаются мотивы мести, жадности и старых обид, создавая сложную картину человеческих отношений, в которой убийство становится кульминацией долгого конфликта. Расследование этого дела требует не только профессиональных навыков, но и глубокого понимания семейной психологии.

«Тайна пропавшей жены» исследует один из самых болезненных типов преступлений – исчезновение близкого человека. В этой истории автор мастерски показывает, как неопределенность может быть хуже самой трагической правды. Когда человек исчезает без следа, остаются не только вопросы о его судьбе, но и подозрения в отношении тех, кто был к нему близок. Расследование подобных дел требует особой деликатности, поскольку каждый шаг может разрушить жизни невинных людей или, наоборот, обнажить страшную истину о преступлении.

«Отравленный ужин» представляет классический тип преступления, которое на первый взгляд может показаться случайным отравлением. Однако детальное расследование обнаруживает тщательно спланированное убийство, где преступник использовал знания химии и психологии жертвы. Эта история демонстрирует, как современные научные знания могут быть обращены во зло, и как важно следователям быть на шаг впереди преступников, использующих новейшие методы.

«Кража в музее» затрагивает тему преступлений против культурного наследия. Кража произведений искусства – это не только материальный ущерб, но и посягательство на общечеловеческие ценности. В этой истории переплетаются мотивы наживы и эстетического фанатизма, показывая, как страсть к прекрасному может привести к преступлению. Расследование подобных дел требует не только криминалистических навыков, но и глубоких знаний в области искусства и понимания психологии коллекционеров.

Завершающая история «Смертельная авария» исследует границу между несчастным случаем и преднамеренным убийством. В современном мире, где автомобиль стал неотъемлемой частью жизни, дорожно-транспортные происшествия часто маскируют истинные мотивы преступления. Эта история показывает, как тщательный анализ технических деталей и человеческих отношений может обнаружить преступный замысел там, где другие видят только трагическую случайность.

Особенностью всех представленных историй является реалистичный подход к изображению работы следственных органов. Автор не идеализирует процесс расследования, показывая его как кропотливую работу, требующую не только профессиональных навыков, но и человеческой интуиции. Здесь нет места сверхъестественным способностям детективов – только методичная работа, основанная на научных методах криминалистики и глубоком понимании человеческой психологии.

Каждая история построена таким образом, чтобы читатель мог следить за ходом расследования, анализировать улики и делать собственные выводы. При этом автор мастерски дозирует информацию, не позволяя читателю слишком быстро разгадать загадку, но и не вводя его в заблуждение ложными зацепками. Такой подход делает чтение не только увлекательным, но и развивающим, заставляя читателя думать логически и анализировать представленные факты.

Психологическая составляющая играет важную роль в каждой истории. Автор не ограничивается описанием внешних событий, а погружается в мотивы и эмоциональное состояние персонажей. Это позволяет понять не только механизм совершения преступления, но и его глубинные причины. Преступники в этих историях – не абстрактные злодеи, а живые люди со своими страхами, желаниями и слабостями, что делает их образы более реалистичными и пугающими.

Особое внимание уделяется социальному контексту преступлений. Каждое криминальное деяние рассматривается не изолированно, а как часть более широкой социальной картины. Автор показывает, как экономические проблемы, семейные конфликты, профессиональная конкуренция и другие факторы современной жизни могут стать катализаторами преступного поведения.

Язык повествования отличается точностью и выразительностью, без излишней сентиментальности или неоправданной жестокости. Автор стремится создать атмосферу напряженности и загадочности, не прибегая к шокирующим эффектам. Техническая сторона расследования описывается достаточно подробно, чтобы читатель мог понять логику следствия, но не настолько детально, чтобы это мешало динамике повествования.

Данный сборник будет интересен широкому кругу читателей, увлекающихся качественной детективной литературой. Особенно он понравится тем, кто предпочитает реалистичные истории с глубокой психологической проработкой персонажей. Книга подойдет для любителей интеллектуальных головоломок, которые хотят не просто следить за расследованием, но и самостоятельно анализировать улики и строить версии.

Профессионалы в области юриспруденции и криминалистики найдут в этих историях достоверное изображение следственной работы, основанное на реальных методах и процедурах. Студенты соответствующих специальностей могут использовать книгу как дополнительный материал для понимания практических аспектов криминального расследования.

Каждая история может читаться независимо от других, что делает книгу удобной для периодического чтения. В то же время все произведения объединены общим стилем и подходом к изображению преступного мира, создавая цельное художественное впечатление.

Современный криминальный детектив выполняет важную социальную функцию, помогая обществу лучше понять природу преступности и механизмы защиты от нее. Читая подобные произведения, люди получают не только интеллектуальное удовольствие, но и полезные знания о том, как работают правоохранительные органы, какие бывают виды преступлений и как можно защитить себя от криминальных посягательств.

Приглашаем вас погрузиться в мир сложных криминальных загадок, где каждое дело – это не просто набор фактов, а человеческая драма со всеми ее сложностями и противоречиями. Будьте готовы к неожиданным поворотам сюжета, глубокому анализу человеческих мотивов и напряженному поиску истины в лабиринтах лжи и обмана.

Убийство в старом доме

Глава 1: Заброшенный особняк

Серый октябрьский рассвет медленно разливался над старым районом города, когда черная служебная машина с надписью "ЦКР" остановилась у ворот полуразрушенного особняка на Театральной улице. Полковник Елена Сергеевна Воронова, руководитель оперативной группы Центра криминалистических расследований, вышла из автомобиля и окинула взглядом мрачное здание девятнадцатого века. Особняк купца Данилова давно превратился в памятник запустения – облупившаяся краска, заколоченные окна, покосившийся забор.

"Что имеем, Андрей Валерьевич?" обратилась она к следователю Макарову, который уже ждал у входа с протоколом в руках.

"Труп обнаружен час назад соседкой, Ниной Степановной Кукушкиной, семьдесят два года," доложил следователь, поправляя очки. "Женщина выгуливала собаку, услышала странные звуки из дома около половины седьмого утра. Заглянула в окно и увидела тело."

Воронова кивнула и направилась к входу, где их уже ждала остальная команда ЦКР. Максим Игоревич Сазонов, ведущий эксперт-криминалист, расставлял оборудование для фиксации места происшествия. Рядом с ним молодая сотрудница Анна Дмитриевна Красилова готовила комплект для взятия образцов, а судебно-медицинский эксперт Виктор Семенович Гребенщиков раскладывал инструменты возле черного кейса.

"Входная дверь взломана," констатировал Сазонов, указывая на поврежденный замок. "Следы воздействия металлическим предметом, предположительно ломом или монтировкой. Судя по характеру повреждений, взлом производился с внешней стороны."

Эксперт достал портативный микроскоп и направил его на царапины вокруг замочной скважины. "Видите эти параллельные бороздки? Глубина от двух до четырех миллиметров, ширина около миллиметра. Типичные следы для стального инструмента диаметром не менее двадцати миллиметров."

Красилова тем временем обрабатывала дверную ручку дактилоскопическим порошком. "Полковник, здесь множество отпечатков, но большинство смазанных. Видимо, преступник был в перчатках." Она аккуратно снимала следы специальной пленкой и помещала их в пластиковые конверты.

Войдя в дом, группа ЦКР оказалась в просторной прихожей с высокими потолками. Пыль и паутина свидетельствовали о том, что дом давно не обитаем. Но в глубине коридора горел свет, и именно оттуда доносился характерный сладковатый запах.

"Жертва в гостиной," указал Макаров направление. "По документам, Иван Петрович Смирнов, шестьдесят восемь лет, коллекционер антиквариата. Формально дом принадлежал ему, хотя последние три года он здесь не жил."

Гостиная поражала контрастом с остальным домом. Здесь было убрано, работало электричество, стояла мебель. По периметру комнаты располагались стеклянные витрины с антикварными предметами – старинными часами, фарфоровыми статуэтками, серебряными изделиями. В центре комнаты на персидском ковре лежал труп пожилого мужчины в темном костюме.

"Виктор Семенович, ваши первые впечатления?" обратилась Воронова к судмедэксперту.

Гребенщиков осторожно присел рядом с телом, не касаясь его. "Мужчина, возраст соответствует документам. Телосложение нормостеническое, признаков истощения нет. На голове обширная рана в теменно-затылочной области. Предварительно – тупая черепно-мозговая травма." Он направил луч фонарика на повреждение. "Рана имеет неправильную звездчатую форму, края неровные, что характерно для удара тяжелым предметом."

"Орудие убийства?"

"Пока не обнаружено. Судя по характеру раны, это мог быть молоток, кувалда или другой тяжелый инструмент с твердой поверхностью." Эксперт внимательно изучал кисти рук покойного. "Под ногтями есть посторонние включения, возможно, кожа или ткань. Жертва оказывала сопротивление."

Сазонов включил портативную систему освещения и начал методично фотографировать место происшествия. Каждый кадр сопровождался измерениями и записями в протоколе. "Полковник, обратите внимание на расположение тела," указал он на мелкую разметку на полу. "Жертва упала лицом вниз, руки раскинуты. Но посмотрите на кровь."

На ковре действительно была видна странная картина. Основное пятно крови находилось в полутора метрах от головы трупа, у подножия книжного шкафа.

"Первичное кровотечение произошло там," Сазонов направил лазерную указку на пятно. "А здесь, где лежит тело, крови значительно меньше. Это значит, что после удара жертва перемещалась или была перемещена."

Красилова обследовала витрины с антиквариатом. "Полковник, здесь есть признаки обыска. Несколько предметов лежат не на своих местах, а вот эта витрина вообще открыта." Она указала на стеклянную полку, где между фарфоровыми фигурками зияла пустота. "Судя по пыли, здесь стояло что-то прямоугольное, размером примерно пятнадцать на двадцать сантиметров."

"Кража?" предположил Макаров.

"Или инсценировка кражи," осторожно заметила Воронова. "Максим Игоревич, что с отпечатками пальцев?"

Сазонов работал с витриной, нанося на стекло специальный порошок. "Множественные отпечатки на стекле, но они старые, покрыты пылью. А вот здесь," он указал на ручку витрины, "свежие следы. Четкие отпечатки четырех пальцев."

"Сравните с отпечатками жертвы," распорядилась полковник.

Пока эксперты работали с уликами, Воронова осматривала остальные помещения. В спальне на втором этаже царил полный беспорядок – перевернута мебель, вытряхнуты ящики комода, разбросаны книги и бумаги. На полу валялась раскрытая записная книжка.

"Андрей Валерьевич, смотрите," позвала она следователя. В записной книжке были телефоны и адреса, а на последней странице крупным почерком написано: "А.И.К. – должен 50 тысяч за вазу Мин. Если не вернет до 15 октября – суд."

"А.И.К.," задумчиво произнес Макаров. "Надо проверить круг знакомых Смирнова."

Внизу Гребенщиков закончил предварительный осмотр тела. "Полковник, смерть наступила примерно между полуночью и тремя часами ночи. Более точно определю после вскрытия. На теле есть и другие повреждения – ссадины на руках и лице, характерные для борьбы."

"Что можете сказать о преступнике?"

"Судя по углу нанесения удара и его силе, это физически крепкий человек, ростом не ниже среднего. Правша. Удар нанесен сзади, когда жертва стояла или сидела лицом к книжному шкафу."

Сазонов подошел с планшетом, на котором была развернута программа для обработки отпечатков пальцев. "Полковник, интересные результаты. Отпечатки с витрины не принадлежат жертве. В базе данных пока совпадений нет, но четкость отличная – можем провести сравнительный анализ с подозреваемыми."

"А что с входной дверью?"

"Там тоже есть свежие следы, но смазанные. Преступник определенно был в перчатках, когда взламывал замок. Но в доме перчатки снял."

Красилова занималась поиском других улик. В мусорном ведре на кухне она обнаружила скомканный листок бумаги. Расправив его, девушка увидела письмо, написанное печатными буквами:

"ВЕРНИ МОИ ДЕНЬГИ, ИНАЧЕ ПОЖАЛЕЕШЬ. У ТЕБЯ ТРИ ДНЯ."

"Письмо датировано позавчерашним числом," доложила она полковнику. "Бумага обычная, офисная. Почерк пытались замаскировать, но видны некоторые характерные особенности."

Воронова изучила послание. "Графологическую экспертизу назначим обязательно. А пока нужно найти этого А.И.К."

"Полковник," окликнул Сазонов, "еще одна зацепка." Он стоял у окна гостиной, которое выходило в небольшой сад. "Смотрите на подоконник изнутри – здесь четкие отпечатки ладоней. А снаружи на раме есть следы обуви."

Эксперт открыл окно и высунулся наружу. "Да, здесь кто-то стоял. Отпечаток подошвы в клумбе под окном. Размер примерно сорок третий, рисунок протектора хорошо различим."

"Значит, преступник проник через дверь, а ушел через окно?" предположил Макаров.

"Или наоборот," возразила Воронова. "Нужно проверить, можно ли открыть это окно снаружи."

Обследование показало, что оконная задвижка была сломана, причем давно. Окно легко открывалось как изнутри, так и снаружи.

"Получается, что взлом входной двери – это инсценировка," заключила полковник. "Настоящий путь проникновения – через окно. А дверь взломали, чтобы направить следствие по ложному пути."

Гребенщиков упаковывал образцы для лабораторного исследования. "Под ногтями жертвы я взял соскобы. Также есть волокна ткани на одежде покойного – видимо, от одежды нападавшего. Все это поможет идентифицировать преступника."

"Анна Дмитриевна, что с осмотром подвала?" спросила Воронова.

"Подвал заперт на массивный замок, но ключ нашелся в кармане у жертвы," ответила Красилова. "Спускались с фонарем. Там много старых вещей, мебель, картины. Похоже на склад антиквариата. Но есть одна странность – в углу стоит новый сейф, довольно большой."

"Сейф вскрыт?"

"Заперт. Попытки взлома не видны, но возле него на полу валяется несколько инструментов – отвертки, зубило."

Воронова задумалась. "Возможно, преступник пытался открыть сейф, но не смог. Или его что-то прервало."

К вечеру команда ЦКР завершила осмотр места происшествия. В их распоряжении было множество улик: отпечатки пальцев, следы обуви, угрожающее письмо, образцы биологического материала. Но главное – у них появились первые зацепки для поиска подозреваемых.

"Завтра начнем с поиска А.И.К.," резюмировала Воронова, когда команда собиралась уезжать. "Также нужно выяснить, что находится в сейфе в подвале, и найти родственников Смирнова. А пока передаем все образцы в лабораторию."

Особняк снова погрузился в тишину, но теперь это была тишина раскрываемого преступления. Эксперты ЦКР знали – каждая улика рано или поздно приведет их к убийце.

Глава 2: Тайны под микроскопом

Лаборатория Центра криминалистических исследований гудела от работающего оборудования. Утренние часы – самое продуктивное время для анализа улик, когда концентрация экспертов была максимальной, а дневная суета еще не начиналась. За стеклянными перегородками кабинетов виднелись силуэты сотрудников, склонившихся над микроскопами и компьютерами.

Максим Игоревич Сазонов разложил на светлом столе все изъятые с места происшествия образцы. Отпечатки пальцев с витрины, следы с подоконника, образцы почвы из-под окна, фрагменты волокон с одежды жертвы – каждая улика была тщательно упакована, промаркирована и ждала своей очереди на исследование.

"Начнем с дактилоскопии," сказал он своей помощнице Анне Дмитриевне Красиловой. "Отпечатки с витрины и подоконника – приоритет номер один."

Красилова уже включила сканер отпечатков пальцев последнего поколения. Устройство могло не только оцифровать папиллярные узоры, но и провести их предварительный анализ, определив примерный возраст, пол и даже некоторые анатомические особенности человека, оставившего след.

"Максим Игоревич, первые результаты," доложила она через полчаса. "Отпечатки с витрины принадлежат мужчине, возраст от сорока до пятидесяти лет. Тип папиллярного узора – петлевой, правая рука, указательный палец. Качество отпечатка отличное, все детали хорошо различимы."

Сазонов подошел к монитору, где была выведена увеличенная фотография отпечатка. Система автоматически выделила характерные точки – окончания папиллярных линий, их разветвления, островки. Всего программа насчитала двадцать три идентификационные точки, что более чем достаточно для положительной идентификации.

"А что с отпечатками жертвы? Уже получили образцы от Виктора Семеновича?"

"Да, сравнительный анализ показывает, что следы с витрины не принадлежат Смирнову," ответила Красилова. "Это определенно посторонний человек."

"Отлично. Загружаем в федеральную базу данных. Может быть, этот человек уже попался правоохранительным органам."

Пока компьютер обрабатывал запрос в базе данных, Сазонов занялся анализом других улик. Следы обуви, отлитые в гипсе во дворе дома, показывали интересную картину. Подошва была изношена неравномерно – больше стерта с внутренней стороны, что говорило о особенностях походки человека.

"Анна Дмитриевна, смотрите," он указал на компьютерную модель следа. "Видите эту характерную засечку на каблучке? Это от острого камня или металлического предмета. И здесь, на носке, небольшая круглая вмятина. Эти детали позволят нам точно идентифицировать обувь, если найдем ее."

"Размер сорок третий," добавила Красилова, изучая измерения. "Ширина стопы средняя, длина шага около семидесяти пяти сантиметров. Это соответствует росту мужчины примерно сто семьдесят пять – сто восемьдесят сантиметров."

В соседнем кабинете работала группа технико-криминалистической экспертизы документов под руководством старшего эксперта Людмилы Петровны Морозовой. На ее столе лежало то самое угрожающее письмо, найденное в мусорном ведре.

"ВЕРНИ МОИ ДЕНЬГИ, ИНАЧЕ ПОЖАЛЕЕШЬ. У ТЕБЯ ТРИ ДНЯ,"

– текст был написан печатными буквами черной шариковой ручкой на обычной офисной бумаге формата А4.

Морозова поместила документ под специальную лампу с ультрафиолетовым излучением. Бумага не светилась, что означало отсутствие защитных элементов – самая обычная офисная продукция. Но под многократным увеличением становились видны интересные детали.

"Смотрите, здесь автор пытался замаскировать свой почерк," объяснила она полковнику Вороновой, которая заглянула в лабораторию. "Печатные буквы выполнены нарочито неестественно, с нажимом. Но видите эту букву 'Р'? Характерная особенность – верхняя часть слегка наклонена влево. И буква 'И' – средняя палочка не доходит до нижней линии. Это индивидуальные особенности письма."

"Можете определить, кто писал?"

"Для этого нужны образцы почерка подозреваемых. Но уже сейчас могу сказать – это мужчина средних лет, правша, имеет среднее или высшее образование. Нажим равномерный, что говорит об уравновешенном характере, но сам факт написания угрозы свидетельствует о сильном эмоциональном возбуждении."

Морозова также исследовала чернила. Спектральный анализ показал, что использовалась обычная шариковая ручка с синими чернилами марки, которая продается в любом канцелярском магазине. Но возраст документа можно было определить довольно точно – по степени высыхания чернил и их взаимодействию с бумагой.

"Письмо написано позавчера, плюс-минус шесть часов," заключила эксперт. "То есть за день до убийства."

Тем временем Красилова получила ответ из федеральной базы данных отпечатков пальцев. Результат был отрицательным – человек, оставивший следы на витрине, в базе не значился.

"Значит, либо он никогда не привлекался к уголовной ответственности, либо не служил в армии, либо не работал в госструктурах," констатировал Сазонов. "Придется искать другими способами."

Он переключился на анализ биологических улик. Под ногтями жертвы судмедэксперт Гребенщиков обнаружил частицы кожи и несколько волокон ткани. ДНК-анализ займет время, но предварительное исследование уже дало результаты.

"Эпителиальные клетки принадлежат мужчине," сообщил биолог лаборатории. "А волокна ткани – шерсть, темного цвета, возможно от пальто или куртки. Видны следы химчистки – используется растворитель, который применяют в профессиональных химчистках."

"Жертва царапала нападавшего," заключил Сазонов. "И этот человек носит качественную одежду, которую регулярно отдает в химчистку."

В архивном отделе ЦКР майор Макаров занимался поисками информации об А.И.К. – загадочных инициалах из записной книжки жертвы. База данных паспортного стола показала несколько десятков людей с такими инициалами, проживающих в городе и области.

"Полковник, кажется, я нашел нашего человека," доложил он Вороновой по телефону. "Алексей Иванович Козлов, пятьдесят четыре года, индивидуальный предприниматель. Занимается торговлей антиквариатом. Адрес: улица Пушкинская, дом тринадцать, квартира сорок семь."

"Отличная работа, Андрей Валерьевич. Готовьте документы для вызова на допрос."

Но Воронова решила сначала неформально встретиться с Козловым. Такие встречи часто давали больше информации, чем официальные допросы. Люди, не чувствующие себя подозреваемыми, говорили более открыто.

Антикварная лавка Козлова располагалась в центре города, в старинном особняке, переделанном под торговые помещения. Небольшой магазинчик был заставлен мебелью разных эпох – резными комодами, старинными зеркалами, фарфоровыми статуэтками. За прилавком сидел высокий худощавый мужчина лет пятидесяти с аккуратной бородкой.

"Алексей Иванович?" спросила Воронова, предъявив удостоверение. "Полковник Воронова, ЦКР. Хотелось бы задать несколько вопросов."

Козлов заметно побледнел, но быстро взял себя в руки.

"Конечно, проходите. Что случилось?"

"Вы знакомы с Иваном Петровичем Смирновым?"

"Смирнов... да, знаю. Мы иногда сотрудничаем. А что, что-то случилось?"

Воронова внимательно наблюдала за реакцией Козлова. Когда она сообщила о смерти Смирнова, антиквар действительно удивился. Но было в его удивлении что-то наигранное.

"Когда вы видели Ивана Петровича в последний раз?"

"Недели две назад, может, больше. У нас была... небольшая размолвка по поводу одной сделки."

"Какой именно?"

Козлов помялся, потом рассказал историю про китайскую вазу эпохи Мин. По его словам, они договорились о совместной покупке редкой вазы у частного коллекционера в Москве. Козлов внес свою долю – пятьдесят тысяч рублей, но Смирнов якобы продал вазу третьему лицу, не поделившись прибылью.

"Я, конечно, был расстроен," признал Козлов. "Но убивать из-за этого... Это же абсурд."

"А письмо вы ему писали?"

"Какое письмо?"

Воронова показала фотографию угрожающего послания. Козлов изучил текст и покачал головой.

"Это не мой стиль. Я предпочитаю решать проблемы цивилизованно, через суд, если необходимо."

Пока Воронова беседовала с Козловым, Сазонов получил результаты анализа почвы с места происшествия. В образцах, взятых под окном дома Смирнова, обнаружили интересные включения.

"Полковник, у нас есть важная информация," доложил он по рации. "В почве под окном найдены частицы машинного масла и металлическая стружка. Похоже, преступник приезжал на автомобиле и парковался рядом с домом."

"Какой именно тип масла?"

"Синтетическое моторное масло, класс вязкости 5W-30. Используется в современных легковых автомобилях. А металлическая стружка – железная, с признаками коррозии. Возможно, от старого автомобиля с поврежденным днищем."

Воронова мысленно отметила эту информацию. Козлов прибыл в свой магазин на новой BMW, которая вряд ли оставляет такие следы.

Вернувшись в ЦКР, она застала своих сотрудников за обсуждением результатов экспертизы. Красилова распечатала портрет предполагаемого преступника, составленный на основе анализа улик.

"Мужчина сорока-пятидесяти лет, рост метр семьдесят пять – метр восемьдесят, среднего телосложения," перечисляла она. "Правша. Носит качественную одежду из темной шерстяной ткани, обувь сорок третьего размера с характерными повреждениями. Ездит на автомобиле, возможно не новом. На руке или одежде должны быть царапины от борьбы с жертвой."

"Козлов под это описание подходит," заметил Макаров. "Возраст, рост соответствуют."

"Но есть нюансы," возразила Воронова. "Во-первых, машина у него новая и дорогая. Во-вторых, никаких царапин я не заметила. В-третьих, его реакция на новость о смерти Смирнова казалась искренней."

Морозова подошла с результатами дополнительного исследования письма.

"Полковник, я более детально изучила угрожающее послание. Обратите внимание на расположение текста на листе. Строки идут строго параллельно краю бумаги, расстояния между словами одинаковые. Это говорит о том, что автор привык к письменной работе, возможно имеет техническое образование."

"Козлов – гуманитарий," вспомнила Воронова. "Искусствовед по образованию."

"Тогда письмо писал не он," заключила Морозова.

Картина становилась все более запутанной. Козлов имел мотив для убийства и подходил под составленный портрет преступника, но улики указывали на другого человека.

"Возможно, у нашего антиквара есть сообщник," предположил Сазонов. "Или заказчик убийства."

"Или мы имеем дело с совершенно другим преступником," добавила Воронова. "Кем-то, кто тоже имел счета со Смирновым."

Она приняла решение официально вызвать Козлова на допрос, но параллельно продолжить поиски других подозреваемых. В записной книжке жертвы было еще много имен и телефонов, которые предстояло проверить.

"Андрей Валерьевич, составьте список всех контактов Смирнова за последний месяц. Телефонные переговоры, встречи, деловая переписка. Максим Игоревич, продолжайте анализ вещественных доказательств. Особое внимание – на тот предмет, который украли из витрины."

"А что с сейфом в подвале?" напомнил Макаров. "Может, стоит его вскрыть?"

"Сначала получим санкцию на обыск. А пока проверим Козлова по всем базам данных – налоговая, ГИБДД, банки. Если он действительно замешан в убийстве, найдем зацепки."

К концу рабочего дня команда ЦКР собрала внушительное досье. Козлов оказался далеко не безупречным гражданином. Три года назад против него возбуждалось дело о мошенничестве, но оно было прекращено за отсутствием состава преступления. Два года назад – конфликт с налоговой службой из-за сокрытия доходов. И множество гражданских исков от недовольных покупателей антиквариата.

"Типичный нечистый на руку торговец," резюмировала Воронова. "Но это еще не делает его убийцей."

Более интересной оказалась информация из ГИБДД. У Козлова было две машины – новая BMW X5 и старый Ford Focus 2008 года выпуска. Именно второй автомобиль мог оставить следы масла и металлической стружки.

"Завтра с утра едем к Козлову с обыском," приняла решение полковник. "Нужно осмотреть оба автомобиля и найти одежду, в которой он мог быть в ночь убийства. А пока пусть дежурная группа следит за его передвижениями."

Уходя домой, Воронова еще раз просмотрела все материалы дела. Что-то в этой истории не сходилось. Слишком много улик указывало на Козлова, и это настораживало. Опытные преступники обычно более осторожны и не оставляют столько следов.

Возможно, настоящий убийца специально направлял следствие по ложному пути. А значит, где-то рядом находился гораздо более опасный и хитрый противник.

Глава 3: Железное алиби

Допросная комната Центра криминалистических исследований была оборудована по последнему слову техники. Скрытые камеры фиксировали каждый жест, микрофоны улавливали малейшие интонации, а детектор лжи готов был зарегистрировать любые физиологические изменения подозреваемого. Полковник Елена Сергеевна Воронова сидела напротив Алексея Ивановича Козлова, внимательно изучая его реакции.

"Итак, Алексей Иванович, расскажите подробнее о вашем конфликте с Иваном Петровичем Смирновым," начала она, включая диктофон.

Козлов поправил галстук и откашлялся. В свете ламп его лицо выглядело бледным, а под глазами залегли тени. "Это была обычная деловая размолвка. Ничего особенного. Мы договорились о совместной покупке китайской вазы династии Мин у частного коллекционера в Москве."

"Какая именно ваза?" уточнила Воронова.

"Селадоновая ваза четырнадцатого века, редчайший экземпляр. Высота тридцать сантиметров, покрыта глазурью цейладонового цвета с тончайшими трещинками кракелюра. Оценочная стоимость – около двухсот тысяч долларов." Козлов говорил с профессиональным знанием дела, и было видно, что антиквариат – действительно его стихия.

Воронова делала пометки в блокноте. "Продолжайте."

"Коллекционер, Владимир Петрович Зайцев, согласился продать вазу за сто тысяч долларов. Сумма немалая, поэтому мы со Смирновым решили купить ее вместе – пятьдесят на пятьдесят. План был простой: после покупки выставить вазу на аукционе и поделить прибыль."

"Но что-то пошло не так?"

Козлов сжал кулаки. "Я внес свою долю – пятьдесят тысяч рублей, это было месяц назад. А Смирнов... он съездил в Москву один, забрал вазу и продал ее через другой аукционный дом за сто восемьдесят тысяч долларов. Когда я узнал об этом, он сказал, что ваза оказалась подделкой и он продал ее за копейки, едва вернув затраченные средства."

"А на самом деле?"

"На самом деле он меня обманул. Я видел каталог аукциона 'Сотбис', где продавалась именно наша ваза. Все совпадало до мельчайших деталей – размеры, происхождение, даже небольшая реставрация на горлышке."

За односторонним зеркалом наблюдала команда экспертов ЦКР. Максим Игоревич Сазонов внимательно следил за показаниями полиграфа, подключенного к датчикам на теле Козлова.

"Полковник, показания полиграфа в пределах нормы," сообщил он по внутренней связи. "Когда он рассказывает об обмане, пульс учащается, но это нормальная реакция на неприятные воспоминания. Признаков лжи пока не видно."

Воронова продолжала допрос. "Вы писали Смирнову угрожающие письма?"

"Я требовал вернуть мои деньги или свою долю прибыли. Но угроз не было," твердо ответил Козлов.

"А это что?" Воронова показала фотографию найденного письма.

Козлов внимательно изучил текст. "Это не мое письмо. Во-первых, я никогда не пишу печатными буквами – только прописью, это профессиональная привычка. Во-вторых, стиль изложения не мой. Я предпочитаю более официальный тон."

"Где вы были в ночь с тринадцатого на четырнадцатое октября?"

"Дома. Смотрел телевизор, потом лег спать около полуночи."

"Кто-нибудь может это подтвердить?"

"Я живу один. Но соседка, Нина Андреевна, иногда заходит, чтобы покормить мою кошку. Может быть, она что-то помнит."

В лаборатории ЦКР Анна Дмитриевна Красилова сравнивала образцы почерка. На столе лежали несколько документов, подписанных Козловым, и спорное угрожающее письмо. Под мощным увеличением стеклом она изучала характерные особенности написания букв.

"Максим Игоревич, посмотрите," позвала она Сазонова. "Козлов пишет очень аккуратно, с небольшим наклоном вправо. У него характерная манера соединять буквы и особый способ написания заглавной 'А'. А в угрожающем письме все буквы отдельные, почерк искусственно замаскирован."

Сазонов подошел к микроскопу. "Действительно, это два разных человека. Плюс анализ чернил показал, что Козлов пользуется дорогой перьевой ручкой с синими чернилами, а письмо написано обычной шариковой."

Тем временем следователь Макаров проверял алиби Козлова. Соседка, Нина Андреевна Петрова, семидесятилетняя пенсионерка, была весьма разговорчива.

"Алеша хороший, тихий сосед," рассказывала она. "В ту ночь я не спала – болели суставы. Около часа ночи выходила на балкон подышать воздухом. Видела, что у него горит свет, телевизор работает. А утром он, как обычно, в половине восьмого поехал на работу на своей BMW."

"А машины у него какие есть?" уточнил Макаров.

"BMW новая, синяя такая красивая. А еще старенький 'Форд' серый, но на нем он редко ездит, в основном зимой."

Макаров записал информацию и поехал осматривать автомобили Козлова. BMW X5 действительно была новой и безупречно чистой. Никаких следов машинного масла или металлической стружки. А вот старый Ford Focus 2008 года показал интересную картину.

Под днищем автомобиля виднелись потеки засохшего масла, а на переднем бампере – следы коррозии. Но самое главное – машина была тщательно вымыта, причем недавно. На ковриках еще чувствовался запах автомобильного шампуня.

"Алексей Иванович, когда вы в последний раз мыли свой Ford?" спросила Воронова, вернувшись к допросу.

Козлов задумался. "Дня три назад. А что?"

"Зачем? Вы ведь сказали, что редко на нем ездите."

"Хотел продать. Решил привести в порядок."

Пока шел допрос, в особняке Смирнова команда ЦКР продолжала поиски. Воронова приняла решение детально обследовать подвал, на который указывал найденный у жертвы ключ.

Спустившись по скрипучей деревянной лестнице, эксперты оказались в просторном подвальном помещении. Здесь царил настоящий антикварный склад – старинная мебель, картины в позолоченных рамах, фарфоровые статуэтки, серебряные изделия. Все было аккуратно расставлено и покрыто защитными чехлами.

"Настоящая сокровищница," заметил Сазонов, направляя луч фонаря на резной комод восемнадцатого века.

"А вот и наш сейф," указала Красилова на массивный металлический ящик в углу подвала.

Сейф был современным, электронным, с кодовым замком. Рядом с ним на полу валялись слесарные инструменты – отвертки, зубило, небольшой лом. Очевидно, кто-то пытался его взломать, но безуспешно.

"Следы попыток взлома есть, но сейф не пострадал," констатировал Сазонов, осматривая металлическую поверхность под увеличительным стеклом. "Царапины свежие, не больше недели."

"Нужно его вскрыть официально," решила Воронова. "Макаров уже получает санкцию на обыск."

Пока ждали разрешения, эксперты продолжали осмотр подвала. Красилова обнаружила интересную деталь – на полу возле сейфа были следы воска от свечи.

"Здесь кто-то работал при свечах," заключила она. "Электричество в подвале есть, но свет может быть виден из окон. Значит, работали тайно, ночью."

"А вот следы обуви," добавил Сазонов, направив ультрафиолетовую лампу на пол. В ее свете проступили четкие отпечатки подошв. "Размер сорок третий, тот же, что мы нашли под окном дома."

Через час прибыл специалист по вскрытию сейфов из управления собственной безопасности. Электронный замок поддался довольно быстро – оказалось, что Смирнов использовал простую комбинацию цифр, соответствующую его дате рождения.

Внутри сейфа команда ЦКР обнаружила папки с документами, несколько ювелирных изделий и пачку фотографий. Воронова надела перчатки и стала осторожно изучать содержимое.

"Смотрите, что здесь есть," она подняла толстую папку с надписью "М.В.О." "Мария Васильевна Орлова – это не та ли племянница, о которой упоминалось в документах?"

В папке было множество бумаг – копии банковских переводов, расписки, фотографии. Среди фотографий особое внимание привлекла серия снимков, сделанных, очевидно, скрытой камерой. На них была изображена привлекательная женщина средних лет в компании мужчины, явно не ее мужа.

"Классический шантаж," заключил Сазонов. "Смирнов следил за племянницей, фотографировал ее встречи с любовником и вымогал деньги."

Документы подтверждали эту версию. Расписки показывали, что Мария Васильевна Орлова регулярно занимала у дяди крупные суммы денег – по пятьдесят, сто тысяч рублей. Но самое интересное нашлось в конце папки – письмо, написанное женской рукой.

"Дядя Ваня, умоляю, не надо больше этих фотографий! Я заплачу все, что вы хотите, но оставьте меня в покое. Если муж узнает, это разрушит нашу семью. М.О."

"Вот мотив для убийства," констатировала Воронова. "Женщина, доведенная до отчаяния, вполне могла решиться на крайние меры."

Красилова тем временем изучала банковские документы. "Полковник, посмотрите. Последний перевод от Орловой датирован двенадцатого октября – сто тысяч рублей. А убийство произошло в ночь с тринадцатого на четырнадцатое."

"Временная связь налицо," согласилась Воронова. "Возможно, Смирнов потребовал новую сумму, а племянница не выдержала."

В папке нашлись и другие интересные документы. Среди них – договор с охранным агентством на установку камер наблюдения в доме Смирнова. Оказалось, что старик был параноиком и следил не только за племянницей, но и за всеми, кто появлялся рядом с его домом.

"Если система работала в ночь убийства, записи могут нам многое рассказать," предположил Сазонов.

Однако при осмотре системы видеонаблюдения выяснилась неприятная деталь – жесткий диск был вынут из регистратора. Преступник явно знал о существовании камер и позаботился о том, чтобы убрать улики.

"Профессиональная работа," заметила Воронова. "Или кто-то из близкого окружения, кто знал об особенностях дома."

Закончив осмотр подвала, команда поднялась наверх. У Козлова, тем временем, алиби подтвердилось. Соседи видели его машину во дворе всю ночь, а утром он, как обычно, поехал на работу. Камеры у входа в его дом зафиксировали, что он вернулся в половине седьмого вечера и не выходил до утра.

"Алиби железное," доложил Макаров по рации. "Плюс экспертиза почерка показала, что угрожающее письмо писал не он. И отпечатки пальцев с витрины тоже не его."

Воронова задумалась. Козлов действительно имел серьезный мотив для убийства, но все улики говорили о его невиновности. А появление в деле племянницы Смирнова открывало новые горизонты для расследования.

"Анна Дмитриевна, проверьте Марию Васильевну Орлову по всем базам данных," распорядилась она. "Адрес, семейное положение, финансовые возможности. И найдите ее фотографию – нужно сравнить отпечатки пальцев."

"А что с Козловым?" спросил Макаров.

"Пока отпускаем, но под подписку о невыезде. Формально он остается подозреваемым, но приоритет теперь у племянницы."

Вечером команда ЦКР собралась в кабинете полковника для подведения итогов дня. На доске висела схема родственных связей с фотографиями всех фигурантов дела.

"Что имеем," резюмировала Воронова. "Козлов, несмотря на серьезный мотив, имеет железное алиби и не подходит под физические данные преступника. Зато появилась Мария Орлова – жертва шантажа дяди, находившаяся под сильным психологическим давлением."

Сазонов добавил: "Анализ места преступления показывает, что убийца знал дом, знал о камерах наблюдения и сумел их обезвредить. Это говорит о близком знакомстве с жертвой."

"Завтра с утра едем к Орловой," приняла решение полковник. "Но действуем осторожно. Если она действительно убийца, могут быть попытки избавиться от улик или даже суицид."

Красилова изучала фотографии из сейфа. "Полковник, а что, если племянница не единственная жертва шантажа? Может, стоит проверить других людей из окружения Смирнова?"

"Хорошая мысль. Максим Игоревич, завтра проанализируйте все документы из сейфа. Возможно, найдем и других потенциальных мотивов для убийства."

Дело принимало новый оборот. Мелкий торговец антиквариатом превращался в систематического шантажиста, который мог иметь множество врагов. И каждый из них теоретически мог стать убийцей.

Но пока главной подозреваемой оставалась Мария Васильевна Орлова – женщина, которую дядя довел до отчаяния и которая, возможно, решила радикально решить свои проблемы.

Ночь обещала быть долгой.

Экспертам предстояло проанализировать десятки документов, а утром начать новый этап расследования, который мог привести их к разгадке загадки старого особняка.

Глава 4: Семейные тайны

Утро в Центре криминалистических расследований началось с тщательного изучения документов, изъятых из сейфа Смирнова. Полковник Елена Сергеевна Воронова разложила папки на большом столе в конференц-зале, где собралась вся оперативная группа. Каждый документ был помещен в прозрачный защитный файл и пронумерован согласно криминалистическим стандартам.

"Максим Игоревич, что показала экспертиза документов?" обратилась она к ведущему эксперту.

Сазонов открыл планшет с результатами анализа. "Полковник, перед нами системный шантаж, который длился не менее трех лет. Смирнов собирал компромат на племянницу методично и профессионально. Использовал частное детективное агентство 'Инсайт' для слежки, установил скрытые камеры в местах встреч Орловой с любовником."

Красилова указала на серию фотографий. "Снимки сделаны профессиональным оборудованием – телеобъектив, ночная съемка. Видно лица, автомобильные номера, четко читаются вывески кафе и отелей. Смирнов потратил серьезные деньги на этот проект."

"А что с финансовой стороной?" спросила Воронова.

Макаров разложил банковские документы. "За последние три года Мария Васильевна Орлова перевела дяде более двух миллионов рублей. Суммы варьировались от пятидесяти до трехсот тысяч. Последний перевод – сто тысяч рублей двенадцатого октября, за день до убийства."

"Мотив налицо," констатировала полковник. "Женщина находилась под постоянным давлением, финансовое положение семьи ухудшалось из-за постоянных выплат шантажисту."

Сазонов обратил внимание на особую папку с надписью "Личное". "Здесь есть копия завешания Смирнова. Согласно документу, все его имущество, включая антикварную коллекцию, должно отойти племяннице после его смерти. Оценочная стоимость наследства – около пяти миллионов рублей."

"Двойной мотив," заметил Макаров. "С одной стороны – избавление от шантажа, с другой – получение наследства."

Воронова изучила адресные данные. "Мария Васильевна Орлова, сорок два года, замужем, двое детей. Живет в элитном районе, муж – бизнесмен Игорь Петрович Орлов, владелец строительной компании. Семья считается благополучной и уважаемой."

"Именно поэтому шантаж был так эффективен," добавила Красилова. "Разоблачение измены разрушило бы не только брак, но и бизнес мужа, социальный статус семьи."

Команда отправилась по адресу Орловых. Трехэтажный коттедж в закрытом поселке "Березовая роща" выглядел как образец успешной жизни. Ухоженный сад, дорогие автомобили во дворе, охранная система последнего поколения.

На звонок в домофон ответила женщина с усталым голосом. "Мария Васильевна Орлова?"

"Да, это я. А вы кто?"

"Полиция. Центр криминалистических расследований. Нужно поговорить."

Пауза затянулась. Наконец замок щелкнул, и ворота медленно открылись.

Мария Васильевна встретила их у входа в дом. Привлекательная женщина средних лет, но лицо выдавало хроническое недосыпание и стресс. Дорогая одежда не могла скрыть нервное напряжение.

"Проходите в гостиную," пригласила она, не глядя в глаза. "Только тихо, дети еще спят."

Просторная гостиная была обставлена дизайнерской мебелью. На стенах висели картины современных художников, в углу стоял рояль. Все говорило о высоком достатке и хорошем вкусе.

"Мария Васильевна, вы знаете о смерти вашего дяди, Ивана Петровича Смирнова?" начала Воронова, усаживаясь в кресло напротив.

Орлова побледнела. "Как умер? Что случилось? Я думала, он просто не отвечает на звонки..."

"Иван Петрович убит в своем доме в ночь с тринадцатого на четырнадцатое октября."

Женщина закрыла лицо руками. "Боже мой... Я знала, что это произойдет. Знала!"

"Что именно вы знали?"

"У дяди Вани было много врагов. Он занимался... нехорошими делами. Шантажировал людей, вымогал деньги."

Воронова и Макаров переглянулись. Орлова сама заговорила о шантаже, что могло означать желание сотрудничать или попытку направить следствие в ложном направлении.

"Расскажите подробнее о ваших отношениях с дядей."

Мария Васильевна поднялась и подошла к окну. "Три года назад дядя Ваня узнал о моих... личных отношениях. У меня был роман с одним человеком. Ничего серьезного, просто... в браке иногда не хватает понимания."

"И Смирнов начал вас шантажировать?"

"Сначала он просто намекал. Говорил, что случайно видел меня в ресторане с незнакомым мужчиной. Потом показал фотографии. Я поняла, что он следил за мной."

Орлова вернулась в кресло, ее руки дрожали. "Дядя требовал деньги. Сначала немного – пятьдесят тысяч. Сказал, что ему нужно на лечение. Потом суммы росли. Я брала кредиты, продавала украшения, выводила деньги из семейного бизнеса."

"Ваш муж не подозревал?"

"Игорь доверял мне финансовые вопросы. Я объясняла расходы ремонтом, покупками для дома, благотворительностью. Он не вдавался в детали."

Макаров делал записи в блокноте. "Когда вы последний раз встречались со Смирновым?"

"Двенадцатого октября, позавчера. Он вызвал меня к себе домой. Сказал, что ему нужно еще триста тысяч рублей срочно."

"Для чего?"

"Не объяснил. Просто сказал, что если я не принесу деньги до утра тринадцатого числа, то pošлет фотографии мужу и в газеты."

Воронова внимательно наблюдала за реакциями женщины. "И что вы ответили?"

"Я сказала, что больше не могу. Денег нет, кредиты не дают, и я устала жить в постоянном страхе." Орлова заплакала. "Мы поссорились. Я кричала на него, говорила, что он разрушил мою жизнь. А он смеялся и говорил, что сама виновата."

"Во сколько вы уехали от дяди?"

"Около девяти вечера. Я была в ярости, хлопнула дверь и поехала домой."

Сазонов, который молча наблюдал за допросом, задал уточняющий вопрос: "На какой машине вы ездили к Смирнову?"

"На своей BMW X3, белой."

"А муж где был в это время?"

"В командировке в Санкт-Петербурге. Вернулся только вчера утром."

Воронова продолжила: "Мария Васильевна, где вы были с одиннадцати вечера двенадцатого октября до утра тринадцатого?"

"Дома. Приехала от дяди, поужинала с детьми, помогла им с уроками. Потом долго не могла заснуть, читала допоздна."

"Кто-то может подтвердить ваше присутствие дома?"

"Дети, но они рано легли спать. Домработница Галина Петровна ушла в семь вечера, как обычно."

Макаров уточнил: "А утром тринадцатого октября?"

"Встала в половине седьмого, разбудила детей, приготовила завтрак. В восемь отвезла их в школу. Потом была в спортзале, потом на работе."

Орлова работала дизайнером интерьеров, имела собственную студию в центре города. Алиби можно было проверить по камерам видеонаблюдения.

"Мария Васильевна, вы угрожали дяде физической расправой?" спросила Воронова.

"Нет! Я не способна на убийство. Да, я ненавидела его за то, что он делал, но убить... Это не в моем характере."

"А письма с угрозами писали?"

"Какие письма?" искренне удивилась женщина.

Воронова показала фотографию найденного послания. Орлова внимательно прочитала текст.

"Это не мое письмо. Я никогда не пишу печатными буквами, только прописью. И стиль не мой – слишком грубо."

Пока продолжался допрос, Красилова и Сазонов осматривали автомобиль подозреваемой. BMW X3 белого цвета была безупречно чистой, без следов недавней мойки или грязи. Под днищем не было потеков масла, характерных для старых автомобилей.

"Машина не подходит под найденные на месте преступления следы," доложил Сазонов по рации. "Здесь не было Ford'a или другого старого автомобиля с протечкой масла."

В доме Красилова обратила внимание на обувь в прихожей. Женские туфли размеров с тридцать седьмого по тридцать девятый, мужские ботинки сорок пятого размера – явно принадлежащие мужу. Обуви сорок третьего размера, следы которой нашли на месте преступления, не было.

"Полковник, физические улики не соответствуют подозреваемой," сообщила она.

Допрос продолжался еще час. Орлова подробно рассказала о своих отношениях с любовником – архитектором Алексеем Соколовым, женатым мужчиной с двумя детьми. Роман длился два года, но после начала шантажа Смирнова она его прервала.

"Алексей не знал о шантаже," уверяла она. "Я сказала, что нужно расстаться ради наших семей. Он не настаивал."

"У вас сохранились его контакты?"

"Да, но, пожалуйста, не втягивайте его в это. Его семья ни в чем не виновата."

Воронова записала данные Соколова для проверки. Каждая зацепка могла оказаться важной.

"Мария Васильевна, кто еще знал о шантаже?" спросила полковник.

"Никто. Это была моя тайна, мой кошмар. Даже подруге не рассказывала."

"А у дяди были другие жертвы шантажа?"

Орлова задумалась. "Возможно. Однажды я пришла к нему, а там была незнакомая женщина. Она плакала и что-то говорила про мужа. Дядя представил ее как знакомую, но я поняла, что это неправда."

"Помните, как она выглядела?"

"Лет пятидесяти, хорошо одетая, светлые волосы. Приехала на дорогой машине – кажется, Mercedes."

Эта информация была важной. Если Смирнов шантажировал не только племянницу, круг подозреваемых расширился.

Закончив допрос, команда ЦКР вернулась в офис для анализа полученной информации. Алиби Орловой предстояло тщательно проверить, но первые впечатления говорили в ее пользу.

"Она не подходит под портрет преступника," заключил Сазонов. "Рост, вес, размер обуви не соответствуют. Плюс машина не та, что оставила следы на месте преступления."

"Но мотив у нее самый сильный," возразил Макаров. "Три года систематического шантажа, угроза разоблачения, требование новой крупной суммы."

Красилова изучала фотографии из дома Орловых. "Полковник, обратите внимание на интерьер. Дорогая мебель, картины, техника. Семья действительно богатая. Но если она три года платила шантажисту, откуда деньги на такую роскошь?"

Воронова просмотрела банковские выписки. "Хороший вопрос. Нужно детальнее изучить финансовое положение семьи Орловых."

Анализ банковских документов показал интересную картину. Действительно, Мария Васильевна регулярно переводила крупные суммы Смирнову. Но семейный бюджет от этого особо не страдал. Строительная компания мужа приносила стабильный доход, плюс у самой Орловой был успешный дизайнерский бизнес.

"Возможно, шантаж был не так болезнен финансово, как мы думали," предположила Воронова. "Но психологическое давление оставалось серьезным."

Вечером пришли результаты проверки алиби. Камеры в спортзале зафиксировали присутствие Орловой с девяти до одиннадцати утра тринадцатого октября. В дизайнерской студии она была с двенадцати до шести вечера. Встреча с клиентами подтверждалась документами и свидетелями.

"Алиби подтверждается," доложил Макаров. "Но остается временной промежуток с одиннадцати вечера до девяти утра, когда она была дома одна с детьми."

"Дети спали, проверить невозможно," согласилась Воронова. "Технически у нее было время для убийства."

Но физические улики по-прежнему не сходились. Отпечатки пальцев с места преступления не принадлежали Орловой. ДНК под ногтями жертвы также было мужским.

"У нас несоответствие между мотивом и возможностями," резюмировал Сазонов. "Орлова имела сильнейший мотив, но физически не могла совершить убийство в том виде, как оно произошло."

Красилова высказала предположение: "А что если она заказала убийство? Наняла киллера?"

"Тогда должны быть следы оплаты, контакты с криминальными элементами," ответила Воронова. "Пока таких данных нет."

К концу дня команда пришла к выводу, что Орлова, несмотря на сильный мотив, скорее всего не является убийцей. Но ее показания открыли новые направления для поиска – другие жертвы шантажа Смирнова, любовник Соколов, возможные сообщники.

"Завтра проверим архитектора Соколова," приняла решение Воронова. "И поищем ту незнакомую женщину, которую видела Орлова в доме Смирнова."

Дело становилось все более запутанным. Каждый новый подозреваемый имел мотив, но физические улики указывали на какого-то неизвестного мужчину, который пока оставался в тени.

Где-то рядом скрывался настоящий убийца, и команде ЦКР предстояло его найти, разгадав все хитросплетения семейных тайн и преступных схем Ивана Петровича Смирнова.

Глава 5: Разоблачение

Пятый день расследования начался с неожиданной находки. Анна Дмитриевна Красилова, просматривая записи камер видеонаблюдения из соседних домов, обнаружила интересную деталь. На кадрах одной из камер, установленной через дорогу от дома Смирнова, в ночь убийства было зафиксировано движение.

"Полковник, смотрите," позвала она Воронову к монитору. "Это запись с камеры дома напротив, время – два часа двадцать три минуты ночи. Видите этот силуэт возле забора?"

На экране была видна нечеткая фигура человека, который что-то делал возле ограждения участка Смирнова. Качество записи оставляло желать лучшего, но можно было различить, что человек среднего роста копается в земле возле забора.

"Максим Игоревич, можно улучшить качество изображения?" обратилась полковник к Сазонову.

Эксперт-криминалист пропустил запись через программу цифрового улучшения. Изображение стало четче, и теперь можно было рассмотреть некоторые детали. Человек был одет в темную куртку, на голове – вязаная шапка. Рост примерно метр семьдесят пять, телосложение среднее.

"Он что-то закапывает," заметил Макаров. "Или, наоборот, выкапывает."

"Немедленно выезжаем на место," приняла решение Воронова. "Нужно обследовать участок возле забора."

Через час команда ЦКР была в особняке Смирнова. Место, которое видели на записи, находилось в дальнем углу сада, там, где росли старые яблони. Земля была взрыхлена, хотя попытки замаскировать это были очевидны.

Сазонов включил металлоискатель и начал методично обследовать участок. Через несколько минут прибор издал характерный звук.

"Есть что-то металлическое," доложил он. "Глубина около тридцати сантиметров."

Осторожно разгребая землю, эксперты обнаружили полиэтиленовый пакет, в котором лежал молоток с деревянной ручкой. На металлической части были видны темные пятна, похожие на кровь.

"Орудие убийства," констатировала Воронова. "Немедленно в лабораторию на экспертизу."

Красилова тем временем обследовала почву вокруг места захоронения. "Полковник, здесь есть отпечаток обуви. Тот же размер и рисунок протектора, что мы нашли под окном дома."

"Значит, преступник вернулся, чтобы спрятать улики," заключил Макаров. "Но почему не выбросил молоток в реку или мусорный контейнер?"

"Потому что знал это место," ответила Воронова. "Кто-то, кому знаком каждый уголок участка."

Вернувшись в ЦКР, команда приступила к анализу нового вещественного доказательства. Экспертиза подтвердила наличие крови жертвы на молотке, а также частичек мозговой ткани. На деревянной ручке обнаружили четкие отпечатки пальцев.

"Совпадение с отпечатками с места преступления стопроцентное," доложил Сазонов. "Но в базе данных такого человека нет."

"Тогда начинаем с тех, кто имел доступ к дому," решила полковник. "Соседи говорили о садовнике, который иногда приходил ухаживать за участком."

Макаров связался с управляющей компанией района. Выяснилось, что последние два года за садом Смирнова ухаживал Сергей Николаевич Федоров, пятидесяти двух лет, житель

пригорода. Мужчина имел небольшую фирму по ландшафтному дизайну и обслуживал несколько участков в этом районе.

"Идеально подходит под наш портрет преступника," отметила Воронова. "Возраст, рост, доступ к дому, знание участка."

Адрес Федорова оказался в старом частном секторе за городом. Небольшой домик с огородом, рядом – сарай с инструментами. Во дворе стоял старый серый Ford Focus, именно такой, какой мог оставить следы масла на месте преступления.

Федоров оказался дома. Мужчина среднего роста с усталым лицом, в рабочей одежде. Когда увидел удостоверения сотрудников ЦКР, заметно напрягся.

"Сергей Николаевич, нам нужно поговорить с вами об Иване Петровиче Смирнове," начала Воронова.

"А что с ним случилось?" на лице Федорова отразилось беспокойство.

"Он убит. В ночь с тринадцатого на четырнадцатое октября."

Садовник побледнел и тяжело опустился на стул. "Убит? Как это возможно?"

"А где были вы в эту ночь?"

"Дома спал. У меня на следующий день была работа с утра."

"Кто-то может это подтвердить?"

"Я живу один. Жена умерла три года назад."

Макаров показал фотографию молотка. "Узнаете этот инструмент?"

Федоров внимательно посмотрел на снимок. "Похож на мой. Но у меня таких несколько."

"Покажите свои инструменты."

В сарае действительно было множество садового инвентаря, в том числе и молотки. Но Сазонов сразу заметил, что один из крюков на стене пустой.

"А где молоток, который висел здесь?" указал он на крючок.

Федоров замялся. "Не помню. Может, потерял где-то на работе."

"Сергей Николаевич, мы нашли молоток, которым был убит Смирнов," сказала Воронова. "На нем ваши отпечатки пальцев. И орудие убийства было закопано в саду дома Смирнова, в том месте, которое знали только вы."

Федоров молчал, опустив голову.

"У вас есть автомобиль?" продолжила полковник.

"Да, старенький Ford."

"Можно посмотреть?"

Осмотр машины подтвердил подозрения. Под днищем были потеки масла, на переднем бампере – следы коррозии. Точно такие следы нашли на месте преступления.

"Мы также знаем, что вы мыли машину недавно," добавил Макаров. "Пытались убрать улики?"

В салоне автомобиля Красилова обнаружила несколько волосков, прилипших к обивке сиденья. "Это волосы жертвы," определила она после быстрого сравнения с образцами. "Значит, Смирнов был в этой машине."

Федоров понимал, что доказательств против него более чем достаточно. "Хорошо," наконец произнес он. "Я расскажу правду."

Они вернулись в дом, и садовник начал свой рассказ.

"Я работал у Ивана Петровича два года. Приходил раз в неделю, поддерживал порядок в саду. Он платил хорошо, мы нормально общались. Но в последний год я стал замечать, что к нему часто приезжает женщина. Красивая, элегантная."

"Мария Васильевна Орлова?"

"Да. Я не знал тогда, кто она. Просто видел, что она приезжает, плачет, иногда кричит на Ивана Петровича. Мне было любопытно."

Федоров признался, что стал подслушивать разговоры. Окна старого дома были не очень хорошо изолированы, а летом часто открывались настежь.

"Я понял, что он ее шантажирует. У него были какие-то фотографии, он требовал деньги. Но я влюбился в эту женщину," голос садовника дрожал. "Знаю, это глупо. Я простой рабочий, она – дама из высшего общества. Но я не мог ничего с собой поделать."

"И вы решили защитить ее?"

"Я видел, как она страдает. Каждый раз, когда приезжала к Ивану Петровичу, выходила в слезах. А он смеялся, говорил по телефону друзьям, какую хорошую 'дойную корову' нашел."

В ночь убийства Федоров не планировал идти к Смирнову. Но не спал, мучился мыслями о том, как помочь женщине, которую полюбил. Около полуночи решил поехать к дому антиквара.

"Я хотел поговорить с ним. Попросить оставить ее в покое. Предложить свои услуги бесплатно в обмен на это."

Федоров проник в дом через окно – он знал, что задвижка сломана. В гостиной застал Смирнова за изучением каких-то документов.

"Он удивился, увидев меня. Спросил, что я там делаю ночью. Я сказал, что знаю про шантаж и прошу его прекратить это."

Смирнов рассмеялся и назвал садовника идиотом. Сказал, что у него таких 'клиенток' несколько, и это его бизнес.

"Он достал новые фотографии и стал показывать мне, говорил, что скоро получит еще больше денег. Я не выдержал."

Молоток Федоров взял с собой – планировал по пути домой починить забор у одного из клиентов. Когда Смирнов повернулся к книжному шкафу, садовник ударил его по голове.

"Я не хотел убивать. Просто хотел, чтобы он замолчал, перестал издеваться над ней."

После удара Смирнов упал, но еще дышал. Федоров попытался помочь ему, но понял, что ранение смертельное.

"Я запаниковал. Понял, что меня обязательно найдут. Попытался сделать так, чтобы выглядело как ограбление."

Садовник взломал входную дверь изнутри, чтобы создать впечатление проникновения снаружи. Вынул несколько предметов из витрины. Убрал жесткий диск из системы видеонаблюдения.

"А потом вернулись домой через окно?"

"Да. Молоток увез с собой. На следующий день закопал его в саду, думал, что там никто не будет искать."

"А предметы из витрины?"

"Выбросил в лесу по дороге домой. Они мне были не нужны."

Воронова задала последний вопрос: "А письмо с угрозами вы писали?"

"Какое письмо?"

Когда ему показали фотографию послания, Федоров покачал головой. "Это не я. Я даже не знал фамилии Козлова."

К вечеру Сергей Николаевич Федоров был официально задержан по подозрению в убийстве. Экспертизы окончательно подтвердили его причастность к преступлению. ДНК под ногтями жертвы совпало с образцами садовника, волокна его куртки нашлись на одежде Смирнова.

"Случай закрыт," констатировала полковник Воронова на итоговом совещании. "Убийство совершил Сергей Николаевич Федоров из ревности и желания защитить объект своей любви от шантажа."

"Что будет с письмом?" спросил Макаров. "Федоров его не писал, Козлов и Орлова тоже."

"Возможно, это дело рук кого-то из других жертв шантажа Смирнова," предположила Воронова. "Но это уже другое расследование."

Сазонов подводил итоги технической стороны дела. "Современные методы криминалистики позволили точно установить личность преступника. ДНК-анализ, дактилоскопия, трасологическая экспертиза – все сошлось."

"А человеческий фактор?" добавила Красилова. "Ревность – один из самых древних мотивов преступлений. Сколько бы ни развивалась техника, страсти остаются теми же."

Дело об убийстве Ивана Петровича Смирнова было передано в суд. Федорову грозил длительный срок заключения за убийство, но его адвокат планировал просить снисхождения, ссылаясь на благородные мотивы подзащитного.

Мария Васильевна Орлова, узнав об истинных причинах смерти дяди, была потрясена. Она даже не подозревала о существовании садовника, который следил за ней и влюбился без памяти.

"Это показывает, как мало мы знаем о людях вокруг нас," философски заметила Воронова. "Федоров два года работал в доме, видел страдания женщины и в конце концов не выдержал."

Антикварная коллекция Смирнова отошла по завещанию племяннице. Мария Васильевна планировала продать ее и пожертвовать деньги на благотворительность – память о дяде оставила слишком болезненный след.

"Еще одно дело раскрыто," подвела итог полковник Воронова. "Команда ЦКР в очередной раз доказала, что современная криминалистика способна распутать даже самые сложные преступления."

За окнами центра уже наступил вечер. Старый особняк на Театральной улице стоял пустой, храня память о трагедии, которая разрушила несколько жизней. Но справедливость восторжествовала, и это было главное в работе настоящих профессионалов.

Тайна пропавшей жены

Глава 1: Исчезновение в центре города

Утренний звонок в дежурную часть Центра криминалистических исследований поступил в половине седьмого. Дмитрий Сергеевич Новиков, тридцати восьми лет, голосом, полным отчаяния, сообщал об исчезновении жены. Ольга Александровна не ночевала дома, не отвечала на звонки, и это было совершенно на нее не похоже.

Полковник Елена Викторовна Кравцова, руководитель оперативной группы ЦКР, внимательно изучала протокол заявления. За двадцать лет службы в органах она видела сотни подобных случаев. Статистика была неумолимой: в девяносто процентах исчезновений взрослых людей никакого преступления не происходило. Люди уходили сами по собственной воле, скрывались от долгов, начинали новую жизнь или просто забывали предупредить близких о своих планах.

"Но что-то здесь не так," размышляла полковник, перелистывая документы. Дмитрий Новиков обратился в полицию слишком быстро. Большинство супругов ждут хотя бы сутки, прежде чем бить тревогу. А этот мужчина забеспокоился уже через несколько часов после того, как жена не вернулась домой.

В кабинет постучали. Вошел старший лейтенант Максим Андреевич Волков, ведущий эксперт-криминалист группы. Высокий, немного сутулый мужчина лет тридцати пяти, с внимательными серыми глазами за очками в тонкой оправе.

"Елена Викторовна, по заявлению Новикова. Я изучил предварительные данные. Есть несколько моментов, которые настораживают."

Кравцова отложила документы и внимательно посмотрела на подчиненного. Волков не склонен к поспешным выводам, и если он что-то заметил, стоит прислушаться.

"Рассказывайте."

"Во-первых, Ольга Александровна Новикова, двадцать восемь лет, работает бухгалтером в строительной компании. Коллеги характеризуют ее как ответственную и пунктуальную. За три года работы ни разу не опаздывала и не прогуливала без уважительной причины."

Волков открыл планшет и вывел на экран фотографию. Привлекательная молодая женщина с каштановыми волосами и добрыми карими глазами смотрела с экрана.

"Во-вторых, супруги живут в центре города, на улице Тверской, в квартире стоимостью около пятнадцати миллионов рублей. При этом официальный доход семьи не превышает восьмидесяти тысяч рублей в месяц."

"Богатые родственники? Наследство?" предположила Кравцова.

"Проверил. Квартира куплена два года назад, кредита не было. Наличный расчет. Родители обеих сторон – люди скромного достатка, ни о каком наследстве речи не идет."

Полковник нахмурилась. Несоответствие доходов и расходов всегда было тревожным сигналом. За такими историями часто скрывались теневые доходы, а значит, и связи с криминальным миром.

"В-третьих," продолжил Волков, "Дмитрий Новиков утверждает, что последний раз видел жену вчера утром, когда уходил на работу. По его словам, она планировала остаться дома, заниматься домашними делами. Но соседи видели ее около трех часов дня выходящей из подъезда в сопровождении незнакомого мужчины."

"Описание есть?"

"Примерно сорок лет, среднего роста, темные волосы. Одет в черную кожаную куртку. Больше подробностей соседи дать не смогли."

Кравцова встала из-за стола. "Собирайте группу. Едем осматривать квартиру. И свяжитесь с Анной Дмитриевной, пусть готовит оборудование для полного технического осмотра."

Через полчаса черный автомобиль ЦКР остановился у подъезда элитного дома на Тверской улице. Команда состояла из четырех человек: полковник Кравцова, эксперт-криминалист Волков, техник-эксперт Анна Дмитриевна Морозова и судебно-медицинский эксперт Игорь Валентинович Сидоров.

Дмитрий Новиков встретил их у входа в квартиру. Мужчина выглядел измученным, глаза красные от недосыпания, одежда мятая. Он нервно теребил в руках мобильный телефон, явно надеясь на звонок от пропавшей жены.

"Спасибо, что приехали," сказал он, впуская группу в просторную трехкомнатную квартиру. "Я просто не знаю, что делать. Оля никогда так не поступала. Она всегда предупреждает, если задерживается."

Кравцова окинула взглядом обстановку. Квартира была обставлена дорогой мебелью, на стенах висели картины, явно не из масс-маркета. Все было аккуратно прибрано, никаких признаков беспорядка или борьбы.

"Дмитрий Сергеевич, расскажите еще раз о вчерашнем дне," попросила она, доставая диктофон.

"Утром я ушел на работу в половине девятого. Оля еще спала, я ее не будил. В обед позвонил, хотел узнать, как дела, но она не ответила. Подумал, что занята. Вечером вернулся домой около семи – квартира пустая."

"А вещи жены? Одежда, документы?"

"Все на месте. Паспорт лежит в комод, сумочка висит в прихожей. Даже мобильный телефон остался дома."

Волков поднял бровь. В наше время мало кто выходит из дома без телефона, особенно молодые женщины.

"Можно посмотреть телефон?"

Новиков кивнул и принес смартфон последней модели в розовом чехле. Волков надел перчатки и внимательно изучил устройство.

"Последний исходящий звонок вчера в 14:20, продолжительность три минуты. Номер записан как 'Лена подруга'."

"Это Елена Соколова, ее близкая подруга еще с института," пояснил Новиков. "Они часто общаются."

Тем временем Морозова приступила к техническому осмотру квартиры. Включив ультрафиолетовую лампу, она методично обследовала поверхности в поисках биологических следов. В большинстве комнат все было чисто, но в спальне картина оказалась иной.

"Елена Викторовна, сюда," позвала она полковника.

На ковре у кровати в ультрафиолетовом свете проступили несколько капель, похожих на кровь. Они были небольшими, но заметными.

"Дмитрий Сергеевич, вы не могли бы объяснить происхождение этих пятен?" спросила Кравцова.

Новиков подошел ближе и внимательно посмотрел. "Понятия не имею. Может, Оля порезалась? Или это что-то еще?"

"Мы возьмем образцы для анализа," сказала Морозова, доставая специальные контейнеры.

Сидоров, изучавший обстановку с точки зрения судебно-медицинского эксперта, обратил внимание на беспорядок на туалетном столике. Флаконы духов стояли не на своих местах, несколько предметов лежали не так, как обычно кладут их женщины.

"Здесь была какая-то суета," заключил он. "Возможно, кто-то торопливо что-то искал или собирал."

Волков тем временем осматривал остальные комнаты. В гостиной на журнальном столике он обнаружил интересную деталь – две кофейные чашки. Одна была вымыта и поставлена на место, вторая стояла с остатками кофе.

"Дмитрий Сергеевич, вы утром пили кофе?" спросил он.

"Нет, я опаздывал на работу. Выпил только стакан сока."

"А жена?"

"Оля не любит кофе по утрам. Обычно пьет чай или сок."

Значит, кофе пили днем. И не один человек, а двое. Это подтверждало версию о визите незнакомца, которого видели соседи.

Морозова обследовала чашки на предмет отпечатков пальцев. На одной были четкие отпечатки, соответствующие документам Ольги Новиковой. На второй – частичные отпечатки, принадлежавшие мужчине.

"Есть след," доложила она. "Прогоню через базу данных."

Кравцова вышла на балкон, чтобы осмотреть возможные пути проникновения в квартиру. Балкон находился на пятом этаже, без пожарной лестницы. Проникнуть снаружи было практически невозможно.

"Замок входной двери не взломан?" уточнила она у Волкова.

"Никаких следов взлома. Либо дверь была открыта добровольно, либо у визитера был ключ."

Это сужало круг подозреваемых. Ольга впустила гостя сама, значит, это был знакомый человек. Или она ожидала его визита.

"Дмитрий Сергеевич, у кого еще есть ключи от квартиры?" спросила полковник.

"Только у нас с Олей. Запасных ключей мы никому не давали."

"Даже родственникам? Подругам?"

"Нет. Мы ценим свое пространство."

Волков нашел в спальне еще одну интересную деталь. В мусорном ведре лежал смятый листок бумаги с текстом, написанным женским почерком: "Больше не могу так жить. Ты меня не понимаешь. Мне нужно время подумать."

"Это почерк жены?" показал он записку Новикову.

Мужчина внимательно изучил текст. "Похоже на Олин почерк. Но я не понимаю, что это значит. У нас не было никаких серьезных конфликтов."

"Когда вы в последний раз серьезно разговаривали? Обсуждали отношения, планы на будущее?"

Новиков задумался. "Недавно у нас были разногласия по поводу... финансов. Оля хотела, чтобы мы переехали в квартиру поскромнее. Говорила, что нам не по карману такие расходы."

"А вы что думали?"

"Я считал, что все нормально. У нас есть доходы, которые покрывают расходы."

Кравцова обратила внимание на уклончивость в ответе. "Какие именно доходы, Дмитрий Сергеевич? Вы работаете менеджером в торговой компании, жена – бухгалтер. Ваш совместный доход не превышает восьмидесяти тысяч рублей."

Новиков заметно напрягся. "У нас есть... дополнительные источники. Я иногда делаю частные консультации."

"По каким вопросам?"

"Помогаю людям с оформлением документов, решением бюрократических вопросов. Ничего противозаконного."

Полковник решила пока не давить на этот вопрос. Но было ясно, что Новиков скрывает истинные источники доходов.

Через два часа осмотр квартиры был завершен. Команда ЦКР изъяла образцы для анализа, сфотографировала все подозрительные места, сняла отпечатки пальцев с различных поверхностей.

"Дмитрий Сергеевич, нам понадобится список всех знакомых вашей жены," сказала Кравцова. "Подруги, коллеги, родственники. Всех, с кем она могла встречаться."

"Конечно. Но их не так много. Оля довольно замкнутый человек."

"И еще один вопрос. Вы не заметили изменений в поведении жены в последнее время? Может быть, она была чем-то обеспокоена, получала странные звонки?"

Новиков помолчал, явно что-то обдумывая. "Последние недели она действительно была какая-то нервная. Часто задумывалась, иногда я заставлял ее плачущей. Но когда спрашивал, в чем дело, она отвечала, что все нормально."

Выйдя из квартиры, команда ЦКР направилась в офис для анализа собранной информации. В машине Кравцова подводила предварительные итоги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.